

Спортивное противостояние Великобритании и австралийских колоний в контексте внутриимперских отношений и федералистского движения второй половины XIX в.

Е. С. Саукова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Стремление австралийцев второй половины XIX в. к трансформации отношений с метрополией выражалось в различных сферах публичной жизни. Одной из них стали популярные спортивные состязания, в том числе между командами Британии и колоний. Спорт являлся как отражением представлений о «кровном» и культурном родстве жителей Британских островов и Австралии, так и инструментом в рассуждениях о «превосходстве» австралийской ветви англосаксонской расы, заслуживавшей потому особого места в системе имперских отношений.

Ключевые слова: *австралийская идентичность, Британская империя, австралийские колонии, федерализм, история Австралии.*

Середина XIX в. стала началом нового этапа развития британских переселенческих колоний в Австралии. В 1850-е гг. там вводились конституции, являвшиеся, по справедливому замечанию Н. С. Скоробогатых, «одними из самых демократичных для своего времени» [Скоробогатых, 2006. С. 50]. Это стало результатом многолетней борьбы белых свободных жителей колоний за право решать внутренние вопросы путем создания представительных органов в противовес прежнему всевластию назначаемых из Лондона губернаторов. В это же время благодаря развитию транспорта и иных форм коммуникации постепенно сокращалась дистанция между Австралией и остальным миром, стимулируя как их взаимный интерес, так и рост конкуренции в деле освоения островных территорий в Тихом океане. Активное развитие экономики на пятом континенте, ускоренное обнаружением там богатых месторождений золота, также позволяло современникам заявлять о значительном прогрессе Австралии. Эти факторы способствовали тому, что жители австралийских автономий¹ стремились играть все большую роль в решении локальных вопросов. Этому препятствовала существовавшая тогда система внутриимперских отношений и восприятие британскими властями австралийских колоний как отдаленных окраин, еще не так давно населенных преимущественно ссыльными каторжанами²

и неспособных пока к самостоятельным действиям за пределами существовавших у них полномочий. Австралийские колонисты нашли выход в идее объединения автономий в федеративный союз, который мог бы обладать значительными ресурсами и влиянием на общеимперском уровне. Вторая половина (и особенно последние десятилетия) XIX в. в Австралии прошла под влиянием федералистского движения.

Идейной основой предлагаемого союза выступал австралийский национализм. Его тесная связь с имперскими установками стала предметом исследования ряда ученых. Так, «британскость» как один из основных факторов австралийского национализма изучал Н. Мини [Meany, 2001]. Он отмечал, что именно «британскость» являлась в Австралии доминирующим культурным мифом, пожалуй, даже еще большим, чем в самой Британии. При этом он указывал, что в то же время австралийцы могли и противопоставлять себя британцам, когда последние относились к ним с позиции превосходства. Однако, утверждал Мини, такие случаи нельзя отнести к признакам собственно австралийского национализма [Meany, 2001. Р. 82—83]. Р. МакГрегор говорил о том, что «британскость» была столь неотъемлемой для австралийцев, что можно говорить о существовании не просто австралийской, а «британо-австралийской» идентичности [McGregor, 2006]. С. Морган в своей монографии обращалась к опыту различных британских переселенческих колоний, отмечая «британскость» как доминирующий фактор их идентичности на протяжении всего XIX в. Однако, по ее мнению, важную роль также играла и другая идентичность, связанная

¹ Здесь и далее термин «автономия» используется в качестве синонима понятия «самоуправляющаяся колония».

² К 1840 г. количество свободных жителей континента уже превышало количество заключенных, а колонии с этого времени постепенно добивались запрета ввоза на их территорию каторжан.

с местом рождения колонистов и особенностями самой колонии [Morgan, 2017].

По словам Н. Мини, «природа господствующей идеи, придающей народу национальный характер... наиболее авторитетно раскрывается в риторике руководителей представительных институтов, в содержании учебных программ по истории и литературе, в присягах и общественных ритуалах, в народном увлечении символами, гимнами и церемониальными днями» [Meany, 2001. P. 79]. Для Австралии одной из популярнейших форм подобных ритуалов, общественных мероприятий и массовых празднований являлись и являются спортивные соревнования. Этой тематике посвящен целый ряд работ, однако особого внимания заслуживает статья Дж. ван Дуинена [van Duinen, 2013]. С его точки зрения, спорт выступал тем звеном, которое объединяло британцев и австралийцев, что помогало последним ощущать и выстраивать свою связь со «страной-матерью». В то же время принципиально важным для австралийской идентичности, по утверждению ван Дуинена, было постоянное ощущение игры перед «воображаемыми трибунами», заполненными иностранными зрителями, то есть австралийцы воспринимали себя в соответствии с тем, кем они являются на международной (прежде всего, внутриимперской) арене, в сравнении и противопоставлении с «другими». Спорт способствовал не только сближению с метрополией, но и проявлению противоречий с ней. Этот подход будет основным в данной работе.

В первую очередь при рассмотрении австрало-британских отношений стоит согласиться с упомянутыми авторами и отметить, что австралийцы второй половины XIX в. видели себя отдельной нацией, существующей в рамках «англосаксонской расы». Именно эта «кровнородственная» связь, как считалось, определяла их основные характеристики, включая внешний облик, своеобразие стиля жизни и взгляда на себя самих и на окружающий мир.

Как считали современники, от англосаксов австралийцы унаследовали, среди прочего, физическое здоровье и отменное телосложение. Виднейший сиднейский политик и «отец» будущей объединенной Австралии Генри Паркс отмечал, что австралийские «мужчины и женщины, рожденные в сельских регионах, по большей части имеют пропорциональное телосложение, полны жизненной энергией и способны практически на любые физические достижения»¹. Однако уже

¹ Parkes H. Our growing Australian Empire // The Nineteen century: a monthly review. March 1877 — Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 141—142.

в этом представлении проявились и идея кровного родства с метрополией, и рассуждения о наличии у жителей пятого континента особенностей, возникших под влиянием уникальных местных условий. Так, в 1888 г. мельбурнская газета «Аргус» опубликовала статью, в которой давалось подробное описание облика представителей новой ветви англосаксонской расы. В частности, отмечалось, что австралийцы обладали менее широкой грудью, но зато были выше и стройнее жителей Британских островов².

Одной из «визитных карточек» англосаксонской расы являлся спорт. Как писала одна из австралийских газет, «страсть мужчин британской расы к спорту в любых его проявлениях вошла в поговорку, и, надо добавить, она неистребима»³. Эта черта, усиленная хорошими физическими кондициями австралийцев, по свидетельству современников, способствовала их особой любви к спорту⁴. Увлечение спортивными состязаниями стало при этом одним из самых ярких проявлений желаний молодой нации разделять идеалы принадлежности к «великой» англосаксонской расе. Спорт был, с одной стороны, возможностью для австралийцев «прикоснуться» к Великобритании, а с другой — он стал частью того, что значило быть британцем [van Duinen, 2013. P. 351]. Одна из австралийских газет утверждала, что «разнообразные спортивные игры занимают большую часть внимания англичан», и то, с каким энтузиазмом и воодушевлением занимаются спортом австралийцы, является ярчайшим доказательством их «английской» натуры⁵. Более того, продолжала газетная статья, жители пятого континента настолько развили в себе эту черту, что могут на равных соперничать на спортивных полях с профессионалами из метрополии⁶.

При этом спорт становился в Австралии более доступным и эгалитарным, чем в Великобритании. Этому способствовало несколько факторов — благоприятный климат, позволявший проводить много времени вне помещений, отсутствие жесткой классовой структуры, подобной метрополии, а также высокий уровень образования. Свою роль играл и тот факт, что рабочие в Австралии, благодаря прогрессивному для той эпохи трудовому законодательству, имели больше

² Argus. 26 January 1888. P. 5.

³ The Capricornian. 27 June 1896. P. 18.

⁴ Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 4.

⁵ Northern Argus. 26 June 1896. P. 2.

⁶ Ibidem.

свободного времени, а, следовательно, и возможностей для такого рода досуга, чем их британские собратья [van Duinen, 2013. P. 354]. К примеру, канадский публицист Джордж Паркин, посетив Австралию, отметил, что там рабочий, окончив трудовой день, направляется затем в том числе на футбольные и крикетные поля¹. К тому же спортивные состязания объединяли представителей всех классов, выполняя важную социально-психологическую роль сплочения общества. Об этом упоминал и австралийский историк Р. Уорд в своем знаменитом труде «Австралийская легенда», где он собрал воедино представления о «настоящем» австралийце, распространившиеся на пятом континенте. По сведениям Уорда, типичный житель Австралии, как считалось колонистами, отличался от прочих людей еще и тем, что считал себя ничем не хуже своего начальства и не признавал никаких авторитетов, особенно военных и полицейских, за исключением разве что спортсменов [Ward, 1965. P. 1—2]. Равенство, в том числе и на игровом поле, австралийцы воспринимали как отличие своего общества от будто бы скованного устаревшими традициями и предрассудками британского.

В рассуждениях о роли спорта в жизни австралийских автономий большое внимание уделялось и женщинам. Австралийки также считались выше и стройнее англичанок. Им, как и мужчинам, приписывали склонность к физическим нагрузкам и особенно любовь к верховой езде и танцам². Молодой художник из Нового Южного Уэльса Уилл Уитни в конце XIX в. подчеркивал симпатию мужчин-австралийцев к энергичным женщинам, занимающимся спортом и активным отдыхом вместе с мужьями³. Таким образом, то, что в Великобритании называли «новыми женщинами» и относили к молодому поколению, в Австралии уже считали характерной чертой жительниц континента [Welsh, 2006. P. 314].

Одним из первых видов спорта, «объединивших» империю, стал крикет. Мельбурнская газета «Лидер» называла его «английским по сути» и отмечала, что другим нациям он оказался не близок и потому они, несмотря на все попытки, не достигли в нем даже средних успехов. А вот в Австралии с ее благоприятным климатом крикет нашел благодатную почву и прочно укрепился⁴.

Так, еще в 1868 г. команда австралийских и новозеландских аборигенов посетила Великобританию, где провела 47 крикетных матчей с местными командами. Газета «Куинслендер» сообщала о чрезвычайном интересе британской публики к этому событию, вызванном, правда, желанием увидеть навыки коренных жителей Австралии не столько в крикете, сколько в метании копья и бумеранга⁵. Пользуясь подходом С. Морган, можно объяснить состав команды тем, что в случаях взаимодействия с британцами австралийцы, с одной стороны, выражали свою «цивилизованность» и принадлежность к британской расе (участвуя, в частности, в спортивных состязаниях как в «типично британском» виде досуга), но в то же время подчеркивали собственную уникальность и самобытность, носившие определенные черты аборигенной культуры.

Европейское население колоний тоже принимало активное участие в крикетных матчах против метрополии. В 1877 г. сборная команда Англии нанесла визит в Мельбурн для проведения первых официальных регулярных игр «Тест» (они и по сей день считаются одним из самых престижных соревнований по крикету в мире). К огромной радости австралийцев их команда одержала победу [Оф. сайт Национального музея Австралии...]. На следующий год состоялся ответный заокеанский тур австралийских спортсменов в рамках игр «Тест». Пресса придавала поездке австралийцев в Великобританию особое, выходящее за рамки спорта значение. Так, мельбурнская газета «Геральд» выражала надежду на успех этого вояжа, предсказывая выигрыш всем заинтересованным в процветании автономий, в том числе бизнесменам. В метрополии, писала «Геральд», увидят истинное лицо колонистов, не «дикарей» и не «революционеров», что, несомненно, привлечет мигрантов из среднего и высшего класса, так необходимых Австралии⁶. Именно неосведомленность британских властей о колониях представлялась последним корнем внутриимперских проблем и больше всего обижала колонистов, сближая их между собой и отдаляя от метрополии⁷. Когда же после многомесячной поездки спортсмены вернулись домой, их ждала огромная толпа воодушевленных соотечественников и торжественный прием в ратуше Сиднея. Среди множества восторженных речей, звучала мысль,

¹ The Sydney Morning Herald. 17 March 1891. P. 7.

² Argus. 26 January 1888. P. 5.

³ Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 7.

⁴ Leader. 11 September 1880. P. 21.

⁵ Queenslander. 8 August 1868. P. 8.

⁶ Herald. 3 June 1878. P. 2.

⁷ См., например, статью Генри Паркса: Parkes H. Our Growing Australian Empire // The Nineteenth century: a monthly review, Mar. 1877 — Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 138—149.

что «триумфальный успех», сопровождавший команду в метрополии, «сделал больше, чем все наши агенты, лекторы и брошюры, чтобы заставить британцев не забывать об Австралии и доказать им, что на отдаленном континенте рождается раса, которая воплотит известное стремление нашего прославленного патриота Уэнтворта¹ к превращению этих богатых, безграничных территорий в «новую Британию» южного полушария»². Таким образом, австралийцы стремились показать зрителям на «воображаемых трибунах», что они не просто не хуже британцев, но уже готовы к принятию более важной роли в империи и даже способны к независимому существованию, хоть и не желают столь радикального развития событий.

Встречи сборных команд Англии и Австралии на крикетном поле стали постоянными. Более того, постоянно возрастало значение этих встреч. Для австралийских спортсменов, к удивлению команд из метрополии, победа или проигрыш в матче воспринимались так, словно от этого зависела их жизнь [Stoddart, 1988. P. 669]. И действительно, проигрыши англичанам считались важным делом, способным пошатнуть репутацию австралийских колоний. Например, комментируя неудачу австралийской команды в ходе очередного матча, один из ее участников заявил, что игра его сборной была в некоторые моменты «недостойна второсортного графства»³, увязывая таким образом успехи в спорте со статусом представляемого региона. Это касалось не только крикета — обсуждая необходимость сбора средств для отправки австралийского спортсмена в Лондон на соревнования по гребле, группа инициативных австралийцев говорила о важности демонстрации метрополии того факта, что «англосаксонская кровь здесь не испортилась»⁴. Возможная победа в чемпионате называлась даже большей честью для колоний, чем их посещение членами королевской семьи. Собравшиеся хотели прекратить таким образом презрение и насмешки по отношению к себе со стороны британцев и показать им, что они не являются той «выродившейся расой», какой их якобы считают в метрополии⁵.

¹ Уильям Уэнтворт — уроженец Австралии, исследователь, писатель, журналист, политик в Новом Южном Уэльсе. Основатель Сиднейского университета, Австралийской патриотической ассоциации и газеты «Австралиец».

² Sydney Mail and New South Wales Advertiser. 30 November 1878. P. 849.

³ The Maitland Mercury and Hunter River General Advertiser. 21 December 1893. P. 4.

⁴ Evening News. 22 December 1875. P. 4.

⁵ Ibidem.

В 1882 г. колонисты впервые одержали победу на территории самой метрополии и, «несмотря на значительные трудности», стали «чемпионами мира» по крикету⁶. Австралийская пресса, стремясь максимально показать сложность и важность этого события, обращала внимание читателей, что английская команда состояла из наиболее опытных, талантливых и профессиональных игроков, а потому австралийцы, хотя и имели к тому моменту в своем арсенале ряд блестящих побед, никак не могли считаться фаворитами соревнований. Невыгодную позицию австралийской сборной также усугубляла травма одного из ключевых спортсменов. Тем не менее, подчеркивала газета «Сидней Дэйли Телеграф», публика проявила необычайно высокий интерес к грядущему матчу, и более 20 тысяч любопытных зрителей прибыли не только из разных частей Великобритании, но даже из Франции, чтобы понаблюдать за игрой⁷. Победа поначалу значительно отстававшей в счете австралийской сборной, по свидетельству газеты, хоть и расстроила болельщиков Англии, но последние мгновенно забыли о своем огорчении, глядя на невероятные качества австралийских спортсменов. И даже английская пресса горячо поддержала австралийцев, сообщала «Сидней Дэйли Телеграф»⁸. Эти события породили расхожую фразу о том, что английский крикет «мертв», и австралийцы «увезли его прах домой». Английские крикетисты провозгласили намерение «вернуть прах» своего излюбленного спорта на родину, для чего планировали обыграть австралийцев в грядущем туре английской сборной по пятому континенту, что им в итоге удалось⁹. Более того, эта «борьба за прах» стала началом продолжающегося и по сей день соперничества двух сборных за особый трофей (Эшес) в виде урны для праха. Однако значение крикета не ограничивалось только стремлением австралийцев доказать свое равенство или даже превосходство над англичанами. Австралийская пресса уверяла, что подобные постоянные «дружеские состязания» между британскими и австралийскими спортсменами «сделают многое для создания имперской федерации, которая пойдет всем на пользу»¹⁰. Цитируя «Таймс», австралийская пресса озвучивала мысль о том, что «возможно, популярность соревнований между различными частями

⁶ The Sydney Daily Telegraph. 17 October 1882. P. 4.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ The Australasian. 3 February 1883. P. 11.

¹⁰ Northern Argus. 26 June 1896. P. 2.

империи заслуживает серьезного внимания со стороны государственных деятелей»¹. Как указывалось, идея учреждения общеимперского постоянного спортивного фестиваля лучше планов по созданию имперской федерации хотя бы потому, что такое событие англосаксы во всех концах света воспримут с энтузиазмом, в отличие от «утомительного бремени и оков» предлагаемой федерации².

С 1899 г. начала свое существование австралийская национальная сборная по регби. В первом же матче в Сиднее против сборной Британских островов она одержала победу со счетом 13:3³. Как тонко заметил современный историк Нил Фергюсон, долгое время «британская привычка проигрывать командам из колоний помогала сплочению Британской империи» [Ferguson, 2003. P. 259].

Успехи австралийских спортсменов в соревнованиях против англичан казались свидетельством того, что австралийский тип англосаксонской расы превосходит британский [White, 1981. P. 72]. Сиднейская газета «Ивнинг ньюз», размышляя о будущем австралийского спорта, с нескрываемой гордостью писала, что «до недавнего времени Англия сохраняла неоспоримое превосходство почти во всех областях спорта», но за последнее время Австралия уже сумела приобрести лидерство в отдельных дисциплинах, например, в водных видах спорта. Метрополии, как указывалось в статье, «так и не удалось, несмотря на неоднократные усилия, вернуть себе утраченные лавры, и титул чемпиона Англии по гребле на веслах теперь принадлежит австралийцу»⁴. Лишь в двух направлениях (скачки и бильярд), по мнению газеты, у «страны-матери» сохраняется безусловное первенство, но появление австралийских чемпионов в этих видах спорта называлось лишь делом времени⁵.

Также наряду с командными видами спорта большой популярностью пользовались и индивидуальные состязания, прежде всего скачки, отличавшиеся особой зрелищностью. Будучи частью британской культуры, конный спорт проник и в Австралию, где, как считалось, сама «окружающая среда естественным образом превращает местного уроженца в наездника»⁶.

Особую известность имели соревнования по конному спорту на Кубок Австралии, ежегодно проходившие в первый вторник ноября в Мельбурне. В Виктории этот день считался праздничным. Чтобы увидеть грандиозное зрелище, туда съезжались до 80 тыс. человек, не только со всего континента, но даже из Новой Зеландии, Новой Каледонии, Фиджи и других тихоокеанских островов. Потрясенный американский путешественник утверждал даже, что розыгрыш этого кубка имеет для австралийцев большее значение, чем президентские выборы или День независимости для граждан США⁷. Все это получило должную оценку в метрополии. Англичане воспринимали увлечение австралийцев спортом не иначе как своеобразный оммаж империи [Mandle, 1987. P. 143, 146]. В то же время этот интерес мог иметь разные мотивы. Так, во время проповеди один из австралийских священников утверждал, что болельщики на трибунах сами не занимаются спортом, а причина их энтузиазма кроется не в любви к физическим упражнениям, а в азарте и ставках на итоги соревнований⁸. Азарт и впрямь считался одной из характерных черт австралийцев [Ward, 1965. P. 1—2].

Таким образом, нельзя не согласиться с представлением о том, что спорт для австралийцев был больше чем формой досуга. Это было и частью «британскости» и принадлежности к империи, и тем особенным, что, казалось, было присуще жителям пятого континента и объединяло их между собой. Это отражало и специфику внутриимперских отношений и федералистского движения, стремившегося, с одной стороны, объединить колонии с метрополией на партнерских основаниях, а с другой — создать союз колоний для противостояния имперскому контролю и обретения большей самостоятельности на основе идеи собственного превосходства. Оценивая себя на игровом поле в спортивном противостоянии с британцами, австралийцы находили подтверждение собственной «цивилизованности» и состоятельности как молодой нации, а потому считали справедливыми требования о расширении своей политической автономии.

¹ Morning Bulletin. 22 February 1892. P. 6.

² Ibidem.

³ The Sydney Morning Herald. 26 June 1899. P. 6.

⁴ Evening News. 7 June 1890. P. 4.

⁵ Ibidem.

⁶ Freeman's Journal. 5 November 1898. P. 15.

⁷ Seaman's Coast Journal. 23 August 1905 // Modern Australia in Documents. Vol. 1. 1901—1939 / Ed. by F.K. Crowley. Melbourne, 1973. P. 79—80.

⁸ Chronicle, South Yarra Gazette, Toorak Times and Malvern Standard. 26 November 1892. P. 6.

Список литературы

1. Официальный сайт Национального музея Австралии. — URL: <http://www.nma.gov.au/> (дата обращения: 10.09.2022)
2. Скоробогатых, Н. С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.) / Н. С. Скоробогатых. — Москва, 2006. — 240 с.
3. Ferguson, N. Empire: How Britain made the modern world / N. Ferguson. — London ; New York : Allen Lane, 2003. — 417 p.
4. Mandle, W. F. Sport / W. F. Mandle // *Australians and British: social and political connections* ; ed. by J. D. B. Miller. — Marrickville, 1987. — P. 140—157.
5. McGregor, R. The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism / R. McGregor // *Nations and Nationalism*. — 2006. — Vol. 12, Issue 3. P. 493—511.
6. Meany, N. Britishness and Australian identity. The problem of nationalism in Australian history and historiography / N. Meany // *Australian Historical Studies*. — 2001. — Vol. 32, Issue 116. — P. 76—90.
7. Morgan, C. Building better Britains? : settler societies within the British empire, 1783-1920 / C. Morgan. — University of Toronto Press, 2017. — 232 p.
8. Stoddart, B. Sport, Cultural Imperialism, and Colonial Response in the British Empire / B. Stoddart // *Comparative Studies in Society and History*. — 1988. — Vol. 30, no. 4. — P. 649—673.
9. van Duinen, J. Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity / J. van Duinen // *Journal of Global History*. — 2013. — Vol. 8. — P. 342—364.
10. Ward, R. B. The Australian Legend / R. B. Ward. — Sydney, 1965. — 262 p.
11. Welsh, F. Australia: a new history of the great southern land / F. Welsh. — Woodstock and New York, 2006. — 719 p.
12. White R. Inventing Australia: images and identity, 1688—1980 / R. White. — Sydney ; Boston : Allen & Unwin, 1981. — 205 p.

Сведения об авторе

Саукова Елизавета Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. esaukova@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2022. No. 2. P. 65—71.

Sports Rivalry Between Great Britain and Australian Colonies in the Context of Intra-Imperial Relations and the Federalist Movement of the Second Half of the 19th Century

E.S. Saukova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. esaukova@yandex.ru

The desire of Australians of the second half of the XIX century to transform their relations with the mother-country was expressed in various spheres of public life. One of them was popular sports, including matches between British and colonial teams. Sport was both a reflection of ideas about the «blood» and cultural kinship of the inhabitants of the British Isles and Australia, and a tool in reasoning about the «superiority» of the Australian branch of the Anglo-Saxon race, which therefore deserved a special place in the system of imperial relations.

Keywords: *Australian identity, British Empire, Australian colonies, federal movement, Australian history.*

References

1. Official web-site of The National Museum of Australia. Available at: <http://www.nma.gov.au/> (accessed: 10.09.2022).
2. Skorobogatyh N.S. *Vehi konstitucionnogo puti Avstralii (1788—2000 gg.)*. [Australia's constitutional milestones (years 1788—2000)]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.).
3. Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world. London; New York, Allen Lane, 2003. 417 p.

4. Mandle W.F., Miller J.D.B. (ed.). Sport. *Australians and British: social and political connections*. Mar-
rickville, 1987. Pp. 140—157.
5. McGregor R. The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism. *Nations and
Nationalism*, 2006, vol. 12, issue 3, pp. 493—511.
6. Meany N. Britishness and Australian identity. The problem of nationalism in Australian history and
historiography, in: *Australian Historical Studies*. 2001, vol. 32, issue 116, pp. 76—90.
7. Morgan C. Building better Britains?: settler societies within the British empire, 1783-1920. University
of Toronto Press, 2017. 232 p.
8. Stoddart B. Sport, Cultural Imperialism, and Colonial Response in the British Empire. *Comparative
Studies in Society and History*, 1988, vol. 30, no. 4, pp. 649—673.
9. van Duinen J. (). Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian
colonial identity, in: *Journal of Global History*, 2013, vol. 8, pp. 342—364.
10. Ward R.B. The Australian Legend. Sydney, 1965. 262 p.
11. Welsh F. Australia: a new history of the great southern land. Woodstock and New York, 2006. 719 p.
12. White R. Inventing Australia: images and identity, 1688—1980. Sydney; Boston: Allen & Unwin,
1981. 205 p.